

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ «ВОЙНА» В РОССИЙСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

УДК 321.0

Елена Сергеевна Никитаева,
студентка магистратуры кафедры ЛиМК
МЭСИ
Тел.: (499) 248-36-68
Эл. почта: ESNikitaeva@mesi.ru

В статье рассматриваются милитарные метафоры во внешнеполитическом дискурсе России и США. Частотность употребления данной метафорической модели свидетельствует о глубоком внедрении военных образов в концептуальные системы обеих стран.

Ключевые слова: концептуальная метафора, внешнеполитический дискурс, метафорическая модель, когнитивная лингвистика.

Elena S. Nikitaeva,
Master's Degree student, MESI
Tel.: 248-36-68
E-mail: ESNikitaeva@mesi.ru

METAPHORICAL MODEL WITH THE SPHERE SOURCE «WAR» IN THE RUSSIAN AND AMERICAN FOREIGN POLICY DISCOURSE

The article considers military metaphor in Russian and American foreign policy discourse. It is argued that the established frequency of Russian and US military images attests to the fact that those are deeply embedded in the conceptual system of both nations.

Keywords: conceptual metaphor, foreign policy discourse, metaphorical model, cognitive linguistics.

1. Понятие концептуальной метафоры

Современная когнитивистика рассматривает метафору как основную (или одну из основных) ментальную операцию, как способ познания, структурирования, оценки и объяснения мира. Человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, познает при помощи метафор тот мир, в котором он живет, а также стремится в процессе коммуникативной деятельности преобразовать существующую в сознании адресата языковую картину мира [1].

Изучение лингвистических метафор – неотъемлемая часть когнитивного языкознания. Данное научное направление возникло и развивалось в основном в США такими учеными как Джордж Лакофф, Рональд Лангакер, Леонард Талми, Чарльз Филлмор, Рей Джекендорф, Марк Джонсон и др.

Первым, кто обратился к изучению лингвистических метафор и их взаимосвязи с человеческим сознанием был Дж. Лакофф [G.Lakoff, M.Johnson “Metaphors We Live by”, 1980], утверждавший, что «Наша обыденная понятийная система, с точки зрения того, как мы мыслим и действуем, суть метафорическая по своей природе» [2]. Он рассматривает метафору как изначально понятийную конструкцию, и определяет её центральное место в процессе развития мысли.

Теория концептуальной метафоры и когнитивный подход к ее изучению были существенно развиты в отечественной науке (А. Н. Баранов, Э.В. Будаев, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, А.П. Чудинов и др.). Тем не менее, теория метафорического моделирования – относительно новая научная область и содержит немало противоречивых вопросов.

В основе теории концептуальной метафоры лежит представление о метафоре как о языковом явлении, отражающем процесс познания мира. В соответствии с рассматриваемой теорией метафорические модели заложены в понятийной системе человеческого разума, это своего рода схемы, по которым человек думает и действует. Соответственно наблюдения за функционированием метафор признаются важным источником данных о функционировании человеческого разума [3].

Все современные подходы к когнитивному анализу метафор так или иначе обращаются к книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» («Metaphors We Live by, 1980), в которой авторы предлагают теорию концептуальной метафоры, что очень быстро превратило книгу в «Библию» когнитивной лингвистики.

Чтобы получить представление, о том, что значит метафорический концепт и как он структурирует каждодневные действия, Лакофф и Джонсон начали с концепта ARGUMENT (спор) и концептуальной метафоры ARGUMENT IS WAR (спор – это война). Авторы привели множество вариантов выражений, относящихся к концепту ARGUMENT, и используемых повседневно: Your claims are indefensible – Ваша позиция выглядит беззащитной; He attacked every weak point in my argument – Он напал на каждое слабое место в моей аргументации; His criticisms were right on target – Его критические замечания били точно в цель; I demolished his argument – Я разбил его аргументацию; I've never won an argument with him – Я никогда не побеждал в споре с ним; You disagree? Okay, shoot! – Вы не согласны? Отлично, ваш выстрел!; If you use that strategy, he'll wipe you out – Если вы будете следовать этой стратегии, он вас уничтожит; He shot down all of my arguments – Он разбил все мои доводы [2].

Пример показывает, что «мы не просто говорим о спорах в контексте войны. Мы можем проигрывать и выигрывать споры. Мы рассматриваем человека, с которым спорим, как противника. Мы атакуем его позиции и защищаем свои. Мы завоевываем и теряем территорию. Мы планируем и используем стратегию. [...] И хотя нет борьбы физической, есть борьба вербальная, и структура спора отражает это: нападение, защита, контратака и т.д. Эта метафора отражает «что мы делаем и как мы понимаем то, что мы делаем во время спора» [2]. Можно заключить, что суть метафоры в понимании и ощущении одного в контексте другого. «Спор не является подвидом войны. Споры и войны – разные вещи: вербальный дискурс и вооруженный конфликт, и выполняемые действия разные. Но споры структурируются, понимаются, обсуждаются и происходят в контексте войны» [2].

На основе ряда подобных примеров Лакофф и Джонсон делают основной вывод о том, что процесс человеческой мысли преимущественно метафоричен [2].

Концептуальные метафоры связаны с особенностями определенной культуры и языка. Как было показано ранее, концептуальная метафора ARGUMENT IS WAR соответствует основным ценностям и культурным характеристикам английского языка. Концептуальные метафоры таким образом являются неотъемлемой частью культурной парадигмы носителя языка.

2. Концептуальная метафора во внешнеполитическом дискурсе

Исследователи сходятся во мнении, что политическая метафора – значимый инструмент манипуляции общественным сознанием. Вместе с тем, как показал еще Дж. Лакофф [4], предлагаемые политиками метафоры лишены аргументационной силы, если они не согласуются с концептуальными прототипами того или иного общества.

Политический язык, политическая коммуникация являются объектами изучения широкого круга

филологов, таких как: А. Вержбицка, Р. Водак, В. Клемперер, Н. Хомский, Дж. Лакофф и др. В рамках современной политической лингвистики, которая возникла на стыке лингвистики и политологии, в основе изучения политических текстов лежит дискурсивный подход. Он включает в себя рассмотрение экстралингвистических, прагматических, социокультурных, психологических и других факторов, которые определяют политические убеждения, намерения, личность и особенности восприятия текста разными людьми.

Внешнеполитический дискурс неоднократно привлекал внимание исследователей разных областей: лингвистики, политологии, социологии и психолингвистики. Растущий интерес к внешней политике и ее лингвистическим чертам отражается в публикациях СМИ и высказываниях различных политических лидеров, что вызвано активизацией глобализационных и интеграционных процессов.

Многие медиа издания уделяют особое внимание внешней политике, содержат статьи, касающиеся отношений между странами и анализирующих существующий мировой порядок. В то же время язык СМИ очень метафоричен. Согласно Скребцовой, «даже поверхностный обзор в публикациях может содержать широкий спектр метафор, использованных для описания внешней политики» [5].

В американском политическом дискурсе некоторые доминантные метафоры используются, чтобы концептуализировать отношения США с другими странами. На основе публикаций СМИ Дж. Лакофф выявляет преобладающие метафорические сценарии и последствия этих сценариев. Среди наиболее распространенных метафор ученый выделяет метафору Мирового Сообщества (World Community), в котором страны понимаются как отдельный человек, а территория страны-индивидуума – его дом. А у домов есть задние дворы (backyards): «Нам не нужны ракеты на нашем заднем дворе» («We don't want missiles in our backyard»).

Близлежащие страны рассматриваются как соседи. Международные отношения – как социальные взаимоотношения. Одни страны – друзья, или хотя бы дружелюбно настроены, другие – враги. Некоторые страны считаются враждебными, которые не подчиняются нормам сообщества. Региональные военные объединения, например НАТО, представляются силами, которые поддерживают порядок в окрестностях. Торговые соглашения рассматриваются как бизнес-партнерство, а вовлеченные в него страны – как «торговые партнеры» [6].

Дж. Лакофф задается важным вопросом: «Если страна представляется как индивидуум, как личные интересы человека метафорически представляются во внешней политике и как формируют метафорический концепт национальных интересов? В интересах человека быть здоровым и сильным. В метафоре национальных интересов здоровье – это экономическое благополучие, а сила – военная мощь. Национальные интересы страны – быть богатой и хорошо вооруженной. И, таким образом, национальные интересы страны обычно сосредоточены на национальном богатстве и военной силе.» [6]

Метафора Мирового Сообщества так же включает в себя другую метафору: зрелость – это развитая промышленность. Промышленно развитые страны – взрослые, не индустриализированные страны – «неразвитые», а те, что в процессе индустриализации – «развивающиеся». Те нации, у которых возникают трудности в развитии промышленности, рассматриваются как «отсталые», будто они дети, запаздывающие в развитии. Развитые страны диктуют развивающимся и неразвитым странам правила управления их экономиками; они устанавливают платежную дисциплину (при помощи Международного Валютного фонда и Всемирного банка); а также они финансово наказывают отстающие и развивающиеся страны за невыполнение продиктованных условий (для их же собственного блага, конечно). Стало естественным воспринимать страны третье-

го мира, следуя этой метафоре, как «непослушных детей». И, конечно, такие «дети» не должны диктовать условия взрослым, скажем, голосами в ООН [6].

Основываясь на этих теоретических знаниях, рассмотрим некоторые примеры использования военных метафор в российском и американском внешнеполитических дискурсах.

3. Милитарная метафора во внешнеполитических дискурсах России и США

В теории концептуальной метафоры милитарная метафора была причислена Дж. Лакоффом и М. Джонсоном к базовым когнитивным моделям, которыми оперирует человек в процессах мышления и переосмысления действительности [1]. Именно авторы данной теории наметили перспективы исследования милитарных метафор в политической коммуникации, рассмотрев метафорические следствия метафор войны Дж. Картера.

Впоследствии милитарная метафорика привлекала значительное внимание исследователей политического дискурса (Баранов, Караулов, Каслова, Ряпосова, Санцевич, Феденева, Чудинов, Будаев, Красильникова, Jansen, Sabo, Koller, Wei, Zinken и др.). Исследования показали, что сфера-источник «Война» относится к наиболее частотным исходным понятиями областям, задействованным в метафорическом конструировании мира политики.

В международной политике неизбежны случаи столкновения геополитических, экономических, политических и других интересов государств. Отражая остроту конфликтов, соперничества между субъектами международных отношений, российские и американские СМИ нередко прибегают к использованию терминов понятийной сферы «Война».

Согласно метафорической картине мира российских СМИ, субъекты международных отношений оказываются втянутыми, развязывают или ведут следующие виды войн: политические, дипломатичес-

кие, идеологические, словесные. Невозможность разрешить противоречия между странами по сложным вопросам описывается в СМИ как война нервов. Специфические конфликты в торгово-экономической сфере представляются как торговые, экономические, молочные, газовые войны. Отдельного внимания заслуживает такой вид войны, как информационная. Ввиду того, что на сегодняшний день реальные конфликты неизбежно сопровождаются поддержкой масс медиа, сами СМИ выступают в роли участников медиа-войн, информационных сражений в медийном пространстве. При этом онлайн-СМИ участвуют в виртуальных войнах.

Например:

А автономия Донбасса должна быть не исключением, с которым Киев будет вести **политическую войну**, чтобы ликвидировать, а нормальной моделью, как и для всех украинских регионов. (Известия, 27.01.2015), Украину обвинили в разжигании **информационной войны** (НГ, 17.02.2015), ЕС готов объявить России **войну санкций**, несмотря на украинское перемирие (МК, 08.09.2014), Нынешнее противостояние – это даже не холодная война, это **война нервов**. (Взгляд, 02.02.2015).

Аналогичные метафоры типичны и для американского видения внешней политики: fisticuffs (кулачный бой), gas war (газовая война), milk war (молочная война), tariff war (война пошлин), full-blown trade war (полномасштабная торговая война), price war (война пен), cold war (холодная война), post-cold war (постхолодная война), propaganda war (агитационная война), tussle of ideas (борьба идей), all out war (тотальная война), а также battle (битва), enmity (вражда), feud (междоусобица), fight (бой), combat (сражение), cyber war (кибер-война), power struggle (битва за власть), foray (вылазка, налет), skirmish (перестрелка), war of words (словесная война).

Перечисленные метафоры не только отражают сферу конфликтующих интересов (политика, экономика), в них также прослеживается динамика и градация взаимодей-

ствия субъектов (от драки до перестрелки и до полномасштабных военных действий).

Например:

The prices, among the highest for NATO countries, are a concern within the alliance, which prides itself on winning the **Cold War**. (WP, 04/02/2015), For the Iranian regime, constantly paranoid about external enemies, it's clear that this is another attack in a **cyber war** that is escalating month by month. (Time, 29/05/2012), Indonesia owes it to Australia not to execute two Australian drug offenders on death row, Prime Minister Tony Abbott said on Wednesday, ratcheting up a diplomatic **war of words** that is threatening to sour relations between the neighbours. (NY Times, 18/02/2015), **Power struggle** in Yemen puts U.S. alliance in question (CNN US, 22/01/2015).

Для обозначения самых разнообразных политических действий используются многочисленные метафоры тактики ведения боевых действий: вести оборонительную политику, вооружать, разворачивать, оставлять путь для отступления, идти в контратаку, стоять насмерть, овладевать командными высотами, вести информационную войну, расставлять ловушки, нанести превентивный удар, отправляться в военный поход, проводить позиционные маневры и кавалерийские атаки, объединяться с союзниками и выступать единым фронтом, закладывать бомбу, подрывать планы, посылать сводки с фронта.

Например:

У Асада будут **пути отступления**, а у сирийского народа откroются хотя бы какие-то политические перспективы.... (Известия, 28.06.2012), Европа, таким образом, – вечное поле боя двух начал, а вовсе не что-то монолитное, **выступающее единым фронтом** во главе с суровой и явно не «жадной до жизни» Ангелой Меркель (лидером партии, кстати говоря, со знаменательным названием «Христианско-демократический союз»). (Взгляд, 17.01.2015), Такие действия, безусловно, способствуют росту напряженности, **подрывают стабильность** в Евро-Атлантическом реги-

оне. (НГ, 15.12.2014), «Мы построили армию за три месяца, и пройдет немного времени – **перейдем в наступление в информационной войне**... Мы прекращаем любую вражескую пропаганду», – Ольга Герасимюк. (МК, 16.07.2014).

Метафоры данного слота ассоциируют прагматику внешней политики с тактикой ведения боевых действий, отождествляя политические решения с военными маневрами, взятием командных высот, атаками и отступлениями что наделяет внешнеполитический дискурс России высокой степенью атональности и, несомненно, привлекает к описываемому событию особое внимание аудитории.

Рассматриваемый слот столь же продуктивен и в американском внешнеполитическом дискурсе: to fight (сражаться), hunker down (уйти в глухую оборону), crack down (слобить сопротивление), lead a united front (возглавлять объединенный фронт), come underfire (попасть под обстрел), hold diplomatic maneuvers (проводить дипломатические маневры), cease-fire (прекращение огня), torpedo (атаковать торпедами), put oneself in somebody's cross hairs (попасться на мушку), outmaneuver (превзойти в маневрировании), mount a verbal assault on somebody (идти в словесную атаку), bear the brunt (принять на себя главный удар неприятеля), be caught in a cross fire (оказаться под перекрестным огнем).

Например:

Former secretary of state George P. Shultz cited Iran's regional aggression in pronouncing himself "very uneasy" about the ongoing negotiations. "They've already **outmaneuvered** us, in my opinion," he told the Armed Services Committee. (WP, 05.02.2015), The opposition, as newly vibrant as it may be, hasn't quite gotten over the old habit of factionalism. The much ballyhoosed formation of a **united front** to negotiate with the regime, if it comes to that, isn't final. (Time, 01.02.2015), And with the British Parliament now having rejected the idea of Britain's military getting involved, Obama is looking more and more like the lone

commander charging the hill while his allies **hunker down** in the trenches. (CNN US, 31/08.2013), The idea of the multi-party talks was to have the North feel the pressure from a **unified front** of nations that sanction it by curbing food and monetary aid. (USA Today, 04.02.2013).

В обоих дискурсах поступки или высказывания субъектов международных отношений, противоречащие их же намерениям или планам, метафорически приравниваются СМИ к выстрелу себе же в ногу (shooting oneself in the foot, a self-inflicted wound). Метафора в данном случае выражает смысл неоправданности подобных действий и выполняет дискредитирующую функцию.

Например:

Таким образом, в то время как ОПЕК, сохраняя квоту, **стреляет себе в ногу**, ее резкое уменьшение будет равносильно стрельбе в обе ноги. (Известия, 22.01.2015); Lithuanian Foreign Minister Linas Linkevicius, arriving for the EU foreign ministers meeting in Brussels, retorted that it was better **to shoot yourself in the foot** than to let yourself be shot in the head – a reference to fears in the former Soviet republic over Russian assertiveness. (NY Times, 15/08/2014); It's clear that many in Pakistan want the Taliban to pay for their crime. And it's also clear that there's a recognition among some Pakistanis that many of their country's **wounds are self-inflicted**. (WP, 23/12/2014).

Арсенал метафорической войны включает самые разнообразные виды вооружения от устаревшего и холодного оружия: копье, бумеранг, сабля, дубина, стрелы до современного огнестрельного: пушки, танки, авианосец, двустволка, бомба, мина, торпеда, пулемет, артиллерия). Метафорический смысл приобретают такие сочетания, как политическое оружие, оружие пропаганды, торгово-экономическое и финансовое оружие. Также – значительное распространение в метафорической войне получили различные инфраструктурные сооружения и средства маскировки (баррикады, плацдарм, окопы).

Например:

Публицист характеризует конфликт как **минное поле**: неясно, кто и с кем будет договариваться о статусе юго-восточных территорий и их границах, равно как непонятно, почему Украина не может контролировать свои внешние границы. (НГ, 13.02.2015), Сейчас непредвзятому наблюдателю становится все более очевидно, что как **политическое оружие** энергетику использует вовсе не Россия, а другие силы, в первую очередь США. Возможно, не только они. (МК, 26.11.2014), Если Европа выпадет из-под контроля Вашингтона, мир изменится радикально, а **бумеранг** кризиса сможет ударить по Северной Америке (Взгляд, 11.12.2014), США, в свою очередь, также не отказались от своих целей по консолидации государственной власти на Украине на антироссийской основе, с тем чтобы она стала важнейшим **плацдармом** Вашингтона для дальнейшего давления на Москву. (Известия, 29.07.2014).

В американском внешнеполитическом дискурсе используются следующие виды метафорического оружия: landmine (фугас), weapon (оружие), flagship (флагманское судно). Иногда применяется холодное оружие: sword (меч), hatchet (томагавк). В текстах встречаются наименования боеприпасов: bullet (пуля), bomb (бомба). Среди средств защиты и маскировки наиболее распространены shield (щит), smoke screen (дымовая завеса), armor (доспехи), minefield (минное поле) и наименования оборонных сооружений (outpost – сторожевая застава, bastion – бастион, bulwark – вал, the line of defence – линия обороны).

Например:

It is a replay of previous wintertime gas cutoffs by Russia that led to accusations that the Kremlin was using its bountiful energy supplies as a political **weapon**. (WP, 27.09.2014), Even in Germany, typically a **bastion** of political normality, there are signs of fractures in the established order. (USA Today, 17.12.2014), Until now the U.S. and other Western powers have restrained Israel from launching what they believe could

be a catastrophic war for very limited gains through imposing what even Washington's **flagship** Israel-lobbying organization, AIPAC, has called the "strongest set of sanctions to isolate any country during peacetime." (Time, 13.08.2012). However, what counts is what is actually happening on the ground, so it remains to be seen what it is, and I have to say that previously we have seen similar statements and initiatives and they have been a **smoke screen** for continued Russian destabilization of the situation in Ukraine. (NY Times, 04/09/2014).

Итак, можно утверждать, что наблюдается высокая востребованность военной метафоры во внешнеполитических дискурсах обеих стран. Процентное соотношение российских и американских военных метафор, актуализированных для осмысления внешней политики, от общего количества метафор с указанной сферой мишенью, составляет соответственно 21,2% и 18,3%.

Количественные данные о частотности показывают, что рассматриваемые дискурсы практически в одинаковой степени метафорически милитаризованы.

Милитаризации внешнеполитических дискурсов России и США способствовал и ряд дискурсивных факторов. События мировой политики оказывали влияние на тональность публикаций СМИ, подчас придавая им ярко отраженный воинственный и агрессивный характер. Это и ядерные программы Ирана и Северной Кореи, споры вокруг необходимости применения санкций, конфликт на Украине, разделивший мировое сообщество в оценках произошедшего, мировой экономический кризис, многочис-

ленные встречи глав государств в рамках различных саммитов и конференций, их не лишённые остроты заявления по волнующим вопросам мировой повестки дня.

Литература

1. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии: Монография / Урал. Гос. Пед. Ун-т. – Екатеринбург, 2013.
2. Lakoff G., Johnson M. "Metaphors We Live by". The University of Chicago Press Books, (1980) 2003.
3. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): Монография / Урал. Гос. Пед. Ун-т. – Екатеринбург, 2001.
4. Lakoff G. Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf, reprinted in Brien Hallet (ed.), Engulfed in War: Just War and the Persian Gulf, Honolulu: Matsunaga Institute for Peace, 1991.
5. Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика. Курс лекций. – Филологический факультет СПбГУ, 2011.
6. Lakoff G. Metaphorical Thought in Foreign Policy: Why Strategic Framing Matters to the Global Independence Initiative. Internal Report. New York: Aspen Institute, 2000.
7. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафоры в политической коммуникации, М., 2008.
8. W.M. Flanik Metaphorical Framing and Foreign Policy, University of Toronto, 2008.
9. Белов Е.С. Метафорическое моделирование внешнеполитического дискурса России и США : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20; Ур. Гос. Пед. Ун-т, Екатеринбург, 2011.

10. Yost E.V. The Russia – Georgia War of 2008: Media Content and Public Opinion. AV Akademikerverlag, 2014.

References

1. Chudinov A.P. Sketches on a modern political metaphorology: Monograph/ Ural. Gos. Ped. Un-t. – Ekaterinburg, 2013.
2. G.Lakoff, M. Johnson "Metaphors We Live by". The University of Chicago Press Books, (1980) 2003.
3. Chudinov A.P. Russia in a metaphorical mirror: Cognitive research of a political metaphor (1991 – 2000): Monograph/ Ural. Gos. Ped. Un-t. – Ekaterinburg, 2001.
4. Lakoff G. Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf, reprinted in Brien Hallet (ed.), Engulfed in War: Just War and the Persian Gulf, Honolulu: Matsunaga Institute for Peace, 1991.
5. Skrebцова T.G. Cognitive linguistics. Course of lectures. – Filologicheskiy fakultet SpbGU, 2011.
6. Lakoff G. Metaphorical Thought in Foreign Policy: Why Strategic Framing Matters to the Global Independence Initiative. Internal Report. New York: Aspen Institute, 2000.
7. Budaev E.V., Chudinov A.P. Metafori v politicheskoy kommunikatsii, M., 2008.
8. W.M. Flanik Metaphorical Framing and Foreign Policy, University of Toronto, 2008.
9. Belov E.S. Metaphorical modeling of a foreign policy discourse of Russia and USA. dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk : 10.02.20; Ur. Gos. Ped. Un-t, Ekaterinburg, 2011.
10. Yost E.V. The Russia – Georgia War of 2008: Media Content and Public Opinion. AV Akademikerverlag, 2014.